

Ах, водевиль, водевиль!

Первые публикации Александра Козачинского появились в 1923 г. в допровских изданиях "Голос заключенного" и "Жизнь заключенного". Автор был тогда под следствием. Мы с этими сочинениями вряд ли когда-нибудь ознакомимся (где же найдешь такую специфическую и давнюю периодику?), остается довольствоваться отзывами корреспондентов тех лет. Они хвалили. Ал. Светлов назвал допровский псевдоним Козачинского — Ал. Козаринский — и привел выдержку из письма заключенного к адвокату: "Печатают меня хорошо. (...) Ежедневно даю 200 строк. Работа по душе".

После освобождения и переезда в Москву Козачинский сотрудничал в газете "Гудок".

А в февральском номере "Знамени" за 1938 год были опубликованы пять рассказов, написанных в августе-сентябре 1937 г. И они, и "Фоня", датированный январем 1940 г., переиздавались неоднократно, правда, все равно мало кому известны.

"Зеленый фургон" — самое знаменитое произведение Александра Козачинского. Если кто и не читал повесть, то уж фильм смотрел обязательно (экранизировалась книга дважды).

Но вот водевиль "Могучее средство" почему-то совсем потерялся. Он был опубликован в альманахе "Год XXII" в 1939 г. и — как провалился: нигде о нем ни строчки, ни слова. Единственное упоминание обнаружилось в письме Козачинского к Евг. Петрову (письма готовятся к публикации А. Яворской): "С твоей критикой водевиля согласен "на все сто". Даже приятно, когда критикуют так толково. Скажу одно лишь: я не только не видел "Эликсир молодости", но и вообще никогда в жизни не видел водевиля (в драм. театре, вероятно, был раза три). (...) Сюжет этот я придумал сам и собирался сначала сделать из него серию маленьких рисунков с подписями для "Крокодила".

Жаль, что смешная пьеса на вечно актуальную тему так прочно забыта. Но, с другой стороны, то, что не удалось отыскать ни одного упоминания ни в одной библиографии, ни одной рецензии на опубликованное произведение, дает повод надеяться на новые находки.

Наталья ПАНАСЕНКО

Александр КОЗАЧИНСКИЙ

Могучее средство

Водевиль в одном действии
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Доктор Гудбаев — лет сорока, иногда важен, иногда суетлив.

Щупак — молодящаяся особа лет 35-ти. Шляпа типа "извозчиный цилиндр" с вуалеткой. Рыжая, довольно тощая лиса, пальто ярко-зеленого канцелярского сукна.

Отец ребенка.

Парализованный старичок — небольшого роста, худенький. Длинная седая раздвоенная борода, черная касторовая шляпа с полями. Круглые очки.

Кабинет доктора Гудбаева. Слева — письменный стол, на столе Гудбаев пишет, повторяет вслух написанное.

Гудбаев. В беседе с нашим корреспондентом доктор Гудбаев сказал... Нет, не сказал, а сообщил... Нет, не сообщил, а заявил! (*Отодвигая листок.*) Превосходная мысль! Зачем ждать, пока к тебе придет корреспондент, когда самому можно написать беседу? Тем более, что корреспондент может и вовсе не прийти! А беседа в "Гигроскопическом вестнике" была бы для меня очень кстати. Беседа — не статья! Беседа почетнее. Она дает двойную славу. А двойная слава — двойные деньги. Кстати, сегодня платить за костюм и за два пуда сырья для пилюль. Эти пилюли меня разоряют! (*Продолжает писать, перечитывает.*) Заявил о новых методах лечения усталых и изношенных организмов путем применения синтетических пилюль и вытяжек из молодых побегов сельдерея, полностью заменяющего дорогостоящий целебный корень женьшень. Ярким примером может служить... (*Задумывается.*) Кто же может служить ярким примером? Скажем, Иванов? Петров?.. Нет, нужна фамилия позамысловатей. Ну, можно будет выбрать в телефонной книге. Это мелочь. Главное — пристроить беседу. Как бы не заартачился этот "Гигроскопический вестник"! Придется звякнуть Ирине Варфоломеевне. У этой дуры везде знакомые.

Стук в дверь. Гудбаев поспешно надевает чалму.

Я занят, но войдите.

Входит мадам Щупак с трехколесной колясочкой под балдахинчиком. В коляске, полускрытый портьерками, сидит парализованный старичок. Она оставляет коляску на авансцене лицом к публике. Подходит к столу.

Щупак. Доктор Гудбаев? Я к вам по рекомендации Ирины Варфоломеевны. Я пришла посоветоваться.

Гудбаев. Рекомендация Ирины Варфоломеевны для меня — все. Я глубоко уважаю ее за разносторонний ум и за стремление участвовать в научном прогрессе. Тем не менее, я могу уделить вам считанные минуты.

Научная работа почти не оставляет мне времени для частной практики.
Разденьтесь.

Щупак снимает лису и кладет ее на череп.

Как фамилия?

Щупак. Щупак.

Гудбаев. Возраст?

Щупак. Мой возраст? Это не имеет значения (*указывая на коляску*). Вот больной.

Гудбаев. Разденьте.

Щупак. Я должна вам сначала объяснить...

Гудбаев (*строго, с достоинством*). Не вы мне, а я вам буду объяснять... Давно болен?

Щупак. Видите ли...

Гудбаев. Еще раз прошу, берегите мое время. Отвечайте на вопросы. Мальчик? Девочка?

Щупак (*испуганно*). Ну, мальчик...

Из коляски высовывается борода парализованного старичка.

Гудбаев. Сколько месяцев?

Щупак. Месяцев? Одну минуточку (*берет со стола бумажку и карандаш, бормочет*). Семьдесят, умноженное на двенадцать...

Гудбаев (*не дожидаясь ответа, нетерпеливо*). Сколько зубов?

Щупак. Один.

Гудбаев. Один? Нижний, верхний?

Щупак. Зуб мудрости.

Гудбаев (*рассеянно*). Мудрости? Так-так-так-так... Кормите грудью?

Щупак. Позвольте вам, наконец, объяснить...

Гудбаев (*не слушая ее*). Чем кормите?

Щупак. Чем помягче. Омлетом, фаршированной рыбой...

Гудбаев. Рыбой? Так-так-так-так. Говорит, играет, ползает?

Щупак. Не говорит и не играет. Читает газеты...

Гудбаев. Газеты? Так-так-так-так. Какие газеты?

Щупак. "Правду", "Известия", "Индустрию".

Гудбаев (*с некоторыми удивлением*). Так-так-так-так... (*Встает и*

подходит к коляске. Отодвигает занавесочку, видит старика, долго и пристально всматривается в него.) Так... Так-так-так. Фаршированная рыба... (*Берет из коляски газету "Индустрия"*.)

Щупак (*взволнованно*). Доктор, это не мой ребенок, это мой сосед по квартире, персональный пенсионер, изобретатель. Мы были на пороге счастья! Он как раз изобрел такую вещь... Вы не можете себе представить... Это абсолютно секретно. (*Оглядываясь по сторонам, шепчет ему на ухо.*) Я узнала об этом совершенно случайно!

Гудбаев. Ну и что же?

Щупак. Доктор, я вам открою всю душу. Он был безумно влюблен в меня. Он — человек культурный, одинокий, и я тоже женщина культурная и одинокая в последнее время. Вы не можете представить себе, доктор, как этот человек обожал меня!.. Сначала у него отнялся язык. Я, как всегда, зашла утром поболтать. Он, как всегда, сидит над чертежами. Как сейчас помню, рассказываю ему новость: наша соседка купила пальто под котик через знакомого пожарного в Гуме. А он смотрит на меня остолбенелым взглядом и спрашивает: "Зачем пожарному котиковое пальто?". Ничего не понял! Я забеспокоилась и начала объяснять подробно. Тут я замечаю — он задрожал, весь как-то осунулся...

Гудбаев. И долго дрожал?

Щупак. Пока я находилась в комнате. Затем трясущейся рукой написал мне записочку: "Дорогая мадам Щупак, у меня на нервной почве потеря речи, и впредь я лишен возможности быть Вашим собеседником". С этого дня он замолк. Замолк навсегда! Но меня это не остановило. Не могу же я бросить человека, когда он кончает такое изобретение! Вы же понимаете, доктор, не сегодня-завтра премия, квартира, персональный ЗИС, а он останется один, без помощи. Как он в ЗИСе один ездить будет? Пусть, думаю, пока молчит. Там видно будет.

Гудбаев. Картина болезни почти ясна.

Щупак. Увы, это только начало. На другой день стучусь к нему в комнату — не открывает. Стою под дверью, слышу шорох бумаг, кашель, вздохи, даже тиканье часов Мозер у него в жилетном кармане; а он меня не слышит! Целый час простучала. Хорошо еще — позвонили к нему четыре раза, он вышел открыть и показывает мне знаками: "Оглух, мол, ничего не слышу!". Ну, не бросить же человека одного, без помощи! Пусть, думаю, пока не слышит. Назавтра — опять новости! Захожу за ним, чтобы на прогулку идти — мы с ним часто вместе гуляли до наркомата, там я его в скверике поджидала, а потом домой обратно гуляли. Он как раз соби-

рался уходить, но при виде меня взгляд его помутился, борода затряслась, он снимает галоши, берет самопишущее перо и пишет записочку: "К сожалению, мадам Щупак, не могу вас сопровождать, ноги не действуют". Вы поймите мой ужас! Вчера онемел, сегодня оглох, завтра ноги отнялись... Кто даст мне гарантию, что в один прекрасный день он не потеряет способность чертить?! Подумайте: денежная премия, квартира с газом и ванной, персональный ЗИС, дача под Москвой, — все это может остаться несбывшейся мечтой! А ведь мы были на пороге счастья, доктор! Он так был влюблен в меня! Да он и сейчас любит, только выговорить не может.

Гудбаев. Картина болезни совершенно ясна. Я считаю этот случай на редкость удачным! Прекрасный паралич! Исключительно благоприятная почва для применения моих синтетических пилюль. Не волнуйтесь; с тех пор, как существуют мои пилюли — старики встречают паралич с улыбкой.

Щупак. Доктор, вы меня возвращаете к жизни! Я готова на любые материальные жертвы! У кого я только не была! И у доктора Гусарова, который лечит деградатами, и у профессора Чижикова, который пользуется ионами верхних слоев атмосферы, и у доктора Баснословского — его пилюли самые мелкие в Москве, и даже у доктора Скоропостижного...

Гудбаев. Ну и как?

Щупак. Да никак, только борода все растет и растет. Вы же понимаете, что это меня не устраивает!

Гудбаев. М-да... Этого недостаточно. Мы имеем изрядно изношенный организм. Его надлежит взбодрить, встряхнуть, освежить, обновить...

Щупак (*умоляюще*). И омолодить!

Гудбаев. Можно и омолодить. Мои пилюли...

Щупак (*с воодушевлением*). Я верю в ваши пилюли!

Гудбаев. Они повышают тонус, возвращают юношескую свежесть...

Щупак. Доктор, умоляю, приступайте к лечению немедленно.

Гудбаев (*вынимая коробочки с пилюлями*). Начнем с главного. Мои пилюли... (*Телефонный звонок, берет трубку.*) Да... Да... Портной? Уже готов? Сейчас же еду (*к Щупак*). Срочный вызов. Буквально рвут на части.

Щупак. Что, ваш портной... Готов?

Гудбаев. Еще не готов, но ему плохо. Я буду через пятнадцать минут. Ждите. Чтобы не терять времени, начнем курс лечения сейчас же. (*Протягивает ей несколько коробок с пилюлями.*) По одной пилюле через каждые три секунды.

Щупак. Через три секунды?

Гудбаев. Да, через три секунды. Два рубля двадцать пять копеек коробка. (*Уходит.*)

Щупак (*спохватываясь, кричит вслед*). А сколько пилюль в коробке?

Гудбаев (*из-за кулис*). Двенадцать.

Щупак. Двенадцать! (*Пауза.*) Это мне вскочит в копеечку.

Начинает кормить старика пилюлями. Стук в дверь. Входит отец ребенка с трехколесной колясочкой, такой же точно, как у старичка. В коляске ребенок, скрытый портьерками.

Отец ребенка (*затыхавшись*). Здесь запись первичных больных?

Щупак. Здесь нет никакой записи. Здесь только по рекомендации и только за деньги.

Отец ребенка. Странно... В таком случае рекомендую меня к доктору Овсянникову. Вот деньги. (*Протягивает пять рублей.*)

Щупак (*беря из рук деньги*). Во-первых, здесь не Овсянников, а Гудбаев. Во-вторых, доктор Гудбаев не примет вас за такую мизерную сумму.

Отец ребенка. Пять рублей — мизерная сумма? Во всех поликлиниках такая оплата.

Щупак. Так ото же вам не поликлиника!

Отец ребенка. Как не поликлиника? Это — третий этаж справа?

Щупак. Нет, это шестой этаж слева.

Отец ребенка. Как же это я так проскочил? (*Собирается уходить.*)

Щупак. Так зачем вам непременно доктор Овсянников?

Отец ребенка. Да вот хочу посоветоваться насчет ребенка.

Щупак. Так зачем вам советоваться с каким-то Овсянниковым? Доктор Гудбаев — прекрасный врач.

Отец ребенка. И по детским?

Щупак. По всем.

Отец ребенка. Я безумно спешу. Если бы я знал, что здесь без очереди...

Щупак. Конечно, без очереди! По моей рекомендации он вас сейчас же примет.

Отец ребенка (*ставит коляску с ребенком рядом с коляской старичка. Садится, снимает кепку*). А где доктор?

Щупак. Он будет с минуты на минуту. У него умирает портной.

Отец ребенка (*обеспокоенно*). Так может быть, это долго?

Щупак. Что вы! Максимум пятнадцать минут. Он просил меня подождать. А что с вашим ребенком?

Отец ребенка. Понятия не имею. Кричит. Как только привезу его на заседание — начинает кричать.

Щупак. Зачем же вы его возите на заседания?

Отец ребенка. Ничего не поделаешь. Жена в Крыму в санатории, а няня кончила курсы шоферов и водит трехтонку с прицепом, вот мы и ездим по заседаниям. Нужно как-нибудь недельку перекрутиться, пока жена приедет. Все бы ничего, но докладчики обижаются. Говорят, что из-за детского крика ничего не слышно. На днях такая неприятность была, что решил, не откладывая, заехать к доктору. Не могу понять, в чем дело! Дома такой спокойный, веселенький ребенок, играет со мной, смеется, а на заседаниях — узнать нельзя. Что может быть? Как вы думаете? Желудочек, нервы? Что бывает у детей?

Щупак. Может быть, зубки режутся?

Отец ребенка. А ваш не кричит из-за зубов?

Щупак (*машет рукой*). Какие там зубы!

Отец ребенка. Может быть, неправильное питание? Как вы думаете?

Щупак. А сколько он у вас весит?

Отец ребенка. Не знаю точно, но довольно тяжелый. Вероятно, кило пять, десять. А ваш?

Щупак. Кило пятьдесят-шестьдесят.

Отец ребенка. Какой упитанный!

Щупак. И мы живем на седьмом этаже без лифта! И вы думаете, это первый доктор, у которого я с ним? Я была и у доктора Гусарова — деградаты, и у профессора Чижикова — ионы верхних слоев атмосферы, и у доктора Баснословского — самые мелкие пилюли в Москве, и даже у доктора Скоропостижного... Вы не можете себе представить, как трудно было к ним пробиться и чего это стоило!

Отец ребенка. А к обыкновенному доктору вы не обращались?

Щупак. К обыкновенному?

Отец ребенка. Да, к обыкновенному. В поликлинику.

Щупак. Так, прямо в поликлинику?

Отец ребенка. В поликлинику. За пять рублей!

Щупак. Вы знаете, это мне не приходило в голову. И, кроме того, к обыкновенным врачам ведь обращаются обыкновенные больные! Нам с Ириной Варфоломеевной поликлиника ничем помочь не может. На меня действуют только новые методы. Обыкновенные лекарства бессильны перед моим организмом. Однажды Ирине Варфоломеевне нездоровилось, и к ней попал обыкновенный врач — из этих, как их — терапевтов. Что же, вы думаете, он ей прописал? Он ей прописал горчичник! Ирина Варфоломеевна и горчичник! Вы же понимаете — разве будет ставить горчичник чело-

век, у которого такие неограниченные возможности в медицинском мире? А вы говорите поликлиника! Кроме того, в поликлинику так легко попасть! А вы знаете, с каким трудом мне удалось проникнуть к доктору Гудбаеву? Только благодаря Ирине Варфоломеевне! Ведь доктор Гудбаев — виднейший представитель школы индейской медицины! Масса научных трудов. Его пилюли и вытяжки делают чудеса! Они повышают тонус, возвращают юношескую свежесть... Вы знаете (*скороговоркой*), я могу уступить вашему ребенку пару коробок, по два пятьдесят коробка... (*Сует ему две коробки.*)

Отец ребенка. Зачем же моему ребенку юношеская свежесть?

Щупак. Ирина Варфоломеевна принимала их вместе со своим ребенком, и оба стали неузнаваемы!

Отец ребенка. Я бы пока воздержался.

Щупак. Пожалуйста! Я вам их не навязываю. Давайте только попробуем. (*Прячет в сумочку пять рублей, сует пилюли попеременно в обе коляски.*) Сами попросите.

Отец ребенка (*бросаясь к коляске*). Хватит! Хватит! Я так мало знаком с индейской медициной... Лучше я спущусь на третий этаж... в поликлинику... Который час? (*Смотрит на часы.*) Ах, черт! Опоздываю на заседание. Опять не успел к доктору! (*Убегает, по ошибке увозит коляску со старичком.*)

Щупак (*одна*). Какой отсталый молодой человек! Разве может человека с кругозором удовлетворить обыкновенная медицина? Ведь у нее нет никаких новых методов! Овсянников! Даже не гомеопат!

Входит Гудбаев, неся на вешалке новый костюм, заколотый в газету.

Гудбаев (*весело*). Ну, как наш больной? Лед тронулся?

Щупак. Вы знаете, доктор, я боюсь ошибиться, но мне послышался из коляски какой-то звук.

Гудбаев. Какой именно?

Щупак. Нечто вроде "агу".

Гудбаев. "Агу"? Ага! Это начинают действовать пилюли. Продолжим лечение! Сейчас я впрысну ему в мякоть ноги вытяжки из молодых побегов сельдерея.

Щупак. Я выйду.

Гудбаев. Как вам будет угодно.

Щупак выходит. Гудбаев вынимает из кармана большой шприц, подходит к колясочке, откидывает занавеску, видит ребенка, падает, как доска. Из всех карманов сыплются пилюли. Поднимается, отряхивается.

Откуда взялся этот ребенок? Где старик? Не мог же он так помолодеть! Правда, он съел три коробки моих пилюль. Но ведь это же обыкновенный зубной порошок. Мел! Впрочем, это знаю только я один. Это необъяснимое происшествие могло бы прославить мои пилюли на весь мир. Но как я разделяюсь с мадам Щупак? Ей же нужен жених! Она же не согласится ждать, пока это дитя подрастет и закончит изобретение! (*Стук в дверь.*)

Щупак (*просовывая в дверь голову*). Можно?

Гудбаев (*торопливо задергивая занавесочки на коляске*). Т-ш-ш! Он дремлет... Возьмите это... (*Показывая на коляску.*) И не тревожьте как можно дольше. Ему нужен абсолютный покой.

Щупак выходит на цыпочках, жестаи благодаря доктора.

Гудбаев (*один ходит по комнате. Пауза*). Я боюсь мадам Щупак.

Стук в дверь.

Гудбаев (*забегая за стол, дрожащим голосом*). Кто там?

Голос отца ребенка. Доктор Гудбаев дома?

Гудбаев (*надевая чалму*). Я занят, но войдите.

Входит отец ребенка с коляской; из коляски торчит кусок бороды.

Отец ребенка. Как я рад, что застал вас! Благодарю вас, благодарю! Ваши пилюли действительно могучее средство!

Гудбаев (*удивленно*). Мои пилюли?

Отец ребенка. Ваша пациентка дала моему ребенку несколько штук. Я его совершенно не узнаю! Сегодня он ни разу не пикнул в течение заседания. А какой был доклад! Одни цифры! По правде говоря, я всегда недоверчиво относился к индейской медицине, но действие ваших пилюль меня переубедило. Посмотрите на это милое, тихое дитя! (*Подходит к коляске; откидывает занавесочку, при виде старика падает, как доска.*)

Гудбаев (*обрадованно*). Старик!

Отец ребенка (*с пола*). Откуда взялся этот старик? Где мой ребенок?

Гудбаев (*замечает в бороде старичка пилюлю, берет ее, подносит к глазам, нюхает, ест*). Сколько он успел их проглотить?

Отец ребенка (*поднимаясь с пола*). Увы, я не считал.

Гудбаев (*наставительно*). Вот что значит давать мои пилюли без дозировки!

Отец ребенка. А вы считаете, что это от пилюль?

Гудбаев. Для меня это совершенно ясно!

Отец ребенка. Невероятно!

Гудбаев. Невероятно? Вы не знаете моих пилюль, какое это могучее средство! Они ускоряют развитие, стимулируют возмужание. Организм созревает с фантастической быстротой. Лишняя пилюля грозит преждевременной дряхлостью. Но не волнуйтесь. Оставьте вашего сына у меня...

Отец ребенка (*перебивая*). Доктор! Это же не мой сын! Это чужой старик!

Гудбаев. Я впрысну ему в мякоть ноги вытяжки из молодых побегов сельдерея, и это нейтрализует действие пилюль. Вы получите вашего ребенка обратно.

Отец ребенка. Невероятно! (*Падает в изнеможении на стул, закрывая лицо руками.*)

Гудбаев (*ободряюще похлопывает его по плечу*). Ну-ну, не будем падать духом! Примите эту пилюльку, она вас взбодрит, встряхнет, освежит...

Отец ребенка (*вскакивая*). Уберите ваши пилюли, или я вас так встряхну!

Гудбаев (*отступает*). Но-но, без рук! Можете обратиться в поликлинику! Посмотрим, как вам там из старика сделают ребенка!

Отец ребенка. Я сам знаю, куда мне обратиться! (*Убегает.*)

Гудбаев (*глядя на старичка*). Не уйти тебе от мадам Щупак, старичок! Ничего, ничего. Зато попадешь в научную литературу! (*Садится за письменный стол, достает беседу, перечитывает, делает поправки.*) В беседе с нашим корреспондентом доктор Гудбаев... (*вписывает*) ...известный специалист доктор Гудбаев заявил о новых методах лечения усталых и изношенных организмов... (*вписывает*) ...о достигнутых им сенсационных результатах лечения усталых и изношенных организмов. Ярким примером может служить больной... (*Обращаясь к старичку.*) Как фамилия? (*Машет рукой.*) Эх, забыл спросить у мадам Щупак! (*Вглядываясь в старичка, шутливо.*) Молчишь? Не слышишь? Не ходишь? Жених! Так и запишем — жених мадам Щупак. (*Пишет, читает.*) Ярким примером может служить жених гражданки Щупак, у коего мною было установлено: 1) общая старческая дряхлость, 2) паралич конечностей, 3) потеря речи и слуха, 4) слабоумие, 5) старческий маразм, 6) разжижение мозга... Нет,

пожалуй, хватит маразма! *(Пишет, затем читает.)* Результаты лечения этого больного посредством применения моих пилюль показывают, сколь назрел вопрос о создании Центрального Института Травы и Пилюли под моим непосредственным руководством. Вышеупомянутый больной безрезультатно применял все новейшие методы лечения. Однако лишь мои синтетические пилюли вернули ему здоровье. Они не только избавили его от вышеозначенных недугов, но также изменили до неузнаваемости всю его физическую конституцию. Прежде всего, к больному начал возвращаться дар речи. При этом нам пришлось столкнуться с любопытным проявлением старческого инфантилизма. Первым словом, которое произнес больной после приема моих пилюль, было "агу". *(Очень громкий стук в дверь.)* Ох! Это мадам Щупак!

Быстро увозит старичка. В комнату врывается мадам Щупак с коляской. Одновременно из другой двери важно, с достоинством выходит Гудбаев, по дороге надевая чалму. Мадам Щупак молча наступает на него коляской. Гудбаев отступает.

Длинная пауза.

Гудбаев *(пятась)*. Ну, как наш больной?

Щупак *(злобно)*. Агу!

Гудбаев *(прижатый к стене коляской)*. Не давите меня, мадам Щупак! Я вам сейчас все объясню.

Щупак. Отвечайте на вопросы. Что это такое?

Гудбаев. Это ваш старик.

Щупак. Это не мой старик! Это чужой ребенок! Вы воспользовались моей неопытностью! Все мои мужья умоляли меня иметь ребенка, но тщетно! Что я скажу в коммунальной квартире! Как я покажусь туда без старика, с ребенком на руках? Вы обещали взбодрить, встряхнуть, освежить, обновить... Это называется юношеская свежесть? Кто теперь будет кончать изобретение? Кто получит премию, квартиру из пяти комнат с газом и ванной, персональный ЗИС? Двухэтажную дачу под Москвой с водопроводом и канализацией? Вы мне за это ответите! Я позвоню Ирине Варфоломеевне! Я заявлю в поликлинику!

Гудбаев. Успокойтесь, мадам Щупак! Мои пилюли — могучее средство! Я сам не ожидал такой эффективности! Это же был совершенно обветшалый организм...

Щупак. Но часы-то Мозера были на нем совершенно новые! А паспорт, а пенсионная книжка, а самопишущее перо — тоже обветшали?

Гудбаев *(сухо)*. Мадам Щупак! Что вы имеете в виду?

Щупак. Я имею в виду ваше могучее средство! Что же, оно омолаживает вместе со штанами?

Гудбаев. Да, со штанами. И с пиджаком! Короче говоря, — чего вы от меня хотите?

Щупак. Отдайте старика!

Гудбаев. Ах, так! Пожалуйста! Через две минуты вы получите обратно и штаны, и пенсионную книжку, и старика. *(Вынимает шприц.)* Сейчас я впрысну ему в мякоть ноги нейтрализующее средство... *(Увозит коляску.)*

Щупак *(одна)*. Может быть, я немного погорячилась? Все-таки, Ирина Варфоломеевна такая культурная женщина и верит в индейскую медицину... *(Заискивающе.)* Доктор, мы, кажется, не поняли друг друга... Нельзя ли найти какой-нибудь компромисс в смысле возраста? Нечто среднее...

Гудбаев вкатывает коляску со стариком.

Гудбаев. После того, как вы намекали мне на самопишущую ручку, нам не о чем больше разговаривать. Забирайте вашу рухлядь и очистите помещение!

Щупак *(не сдаваясь)*. Ваши пилюли...

Парализованный старичок *(из коляски)*. Обыкновенный зубной порошок! *(Кряхтя вылезает из коляски. Обращается к Гудбаеву.)* А я для вас припас пилюльку покрепче! Но сначала я должен извиниться перед мадам Щупак за то, что вводил ее в заблуждение. Уважаемая мадам Щупак! Я очень признателен вам за ту энергию и настойчивость, с которой вы возили меня по многочисленным лестницам: к доктору Гусарову за деградатами — на пятый этаж; к профессору Чижикову за ионами верхних слоев атмосферы — на шестой этаж; к доктору Баснословскому за самыми мелкими пилюлями в Москве — на восьмой этаж и, наконец, к доктору Скоропостижному — на одиннадцатый! С удовольствием могу отметить, что все эти средства не принесли мне ни малейшего вреда. Правда, неоднократно возникала опасность введения в мякоть моей ноги нейтрализующего средства из молодых побегов сельдерея. Но эта угроза мало беспокоила меня, ибо я знал, что вследствие крайней худобы ноги мои лишены того, что доктор Гудбаев называет мякотью, и поэтому непригодны ни для каких уколов. Прогулки в вашей коляске были для меня тем более

приятны, что в последнее время из-за преклонного возраста гулять пешком мне было несколько затруднительно. Должен сознаться, я пользовался этим удобством незаконно, но вы сами принудили меня к этому, дорогая мадам Щупак! Я вынужден был притвориться парализованным, ибо видел в этом единственную возможность закончить свою работу над изобретением. Ваше участие в моей судьбе было столь активным и всепоглощающим, что не оставляло мне ни минуты для работы! Согласитесь, что ваше сообщение о пожарном, купившем себе котиковое пальто...

Шупак (*в отчаянии*). Вы меня не поняли!

Парализованный старичок. ...не могло помочь мне в математических вычислениях! Эта история окончательно убедила меня в необходимости выбора между вашим милым обществом и моим изобретением. Тогда-то мне и пришла в голову спасительная идея паралича. И хотя много времени уходило в разъездах по докторам, я все же имел возможность спокойно размышлять за голубыми занавесочками этой коляски. Теперь изобретение закончено. Правда, это совершенно не то, что вы предполагали, мадам Щупак, и о чем вы сообщали по секрету всем посещаемым нами врачам.

Гудбаев (*старичку*). Уважаемый профессор! Я обращаюсь к вам, как работник науки к работнику науки...

Парализованный старичок. Я не профессор, а вы не работник науки.

Гудбаев. Уважаемый товарищ изобретатель! Если бы вы читали что-нибудь о тысячелетнем опыте индейской медицины...

Парализованный старичок. Как раз сегодня кое-что об этом я и прочитал. А вы читали сегодняшние газеты?

Гудбаев (*вынимает ручной саквояж*). Нет...

Парализованный старичок. Напрасно. Так вот, слушайте. Наркомздрав вынес решение о медицинских лженауках. Признано, что все эти деградаты, ионы верхних слоев атмосферы, мелкие и мельчайшие пилюли и пилюльки и так называемая индейская медицина, — да, да, доктор Гудбаев, индейская, — ничего общего не имеют с настоящей наукой!

Гудбаев быстро и бесшумно складывает в саквояж череп, чалму и шприц, высыпает массу пилюль в корзинку для бумаг под столом.

Отныне, мадам Щупак, вам придется обращаться в поликлинику, к обык-

новенным врачам. Они вам будут прописывать скромные горчичники, честную салицилку и — может быть, хоть это отчасти утешит вас — стрептоцид.

(*Телефонный звонок. Гудбаев делает движение к телефону, но отсутствует. Старичок берет трубку.*)

Квартира доктора Гудбаева. Да, да, этого самого индейского. Откуда? Ага! Дома, дома (*протягивает трубку Гудбаеву*).

Гудбаев (*испуганно, не беря трубки*). Откуда? Из редакции?

Старичок. Нет, из уголовного розыска. По жалобе отца ребенка.

Гудбаев (*беспомощно опускается в коляску*). Так... так-так-так-так.

Старичок. Не любишь?!

Занавес

Альманах "Год XXII". Вып. 15.

